

ЛИТЕРАТУРА, МЕМОУАРЫ

«Русская мысль»

Анатолий Копейкин

«Иные господа теперь гуляют здесь...»

Дача Чуковских в Переделкине.

Опоры кое-как подправить удалось
Гуманитариям-студентам.
И дыры залепить; до утра улеглось
Корыто старое с цементом.

Семен Липкин. «Вячеславу.
Жизнь переделкинская».
— «Континент», № 35.

В конце марта 1981 года ездили мы на дачу к Чуковским в Переделкино. Нужно было разгрести там снег, наваленный около дома. Дом — двухэтажный, наподобие левитановского, из «Марта».

Мне вспомнилось замечание одного мужика, давшего мне в электри-

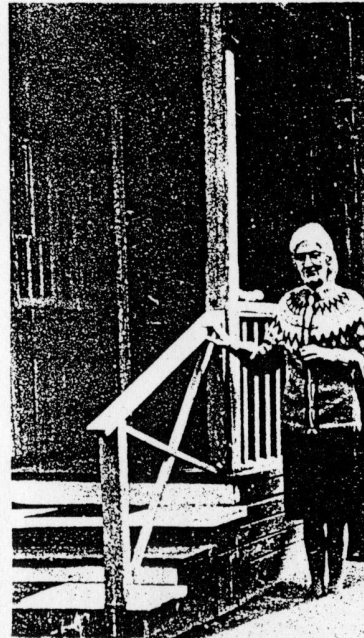
Планировка, однако, свободная; тут и сам архитектор Мельников бы не смутился: переходы, балкончики, террасы, лоджии, какие-то скворечники; острые кровли. Дом желтый.

Лидия Корнеевна Чуковская долго добивалась, чтобы власти отпустили им железа — починить протекавшую крышу. Музей Корнея Ивановича был всегда открыт по субботам, воскресеньям и понедельникам. (Иной раз К.И. Лозовская, бывший секретарь Чуковского, проводила за день чуть не по десяти экскурсий.)

Но Лидия Корнеевна считалась и считается гражданкой второго сорта. Чуковским ответили: железа нет

...Так выглядел один из уголков музея в 1980 году.
Фото Бернарды Перес Карденас.

Л.К. Чуковская у крыльца дачи

— Отчего же? — спросили мы.
— Не знаю. Лучше бы было подарить Третьяковке.

Потом она вышла, надолго. А вернувшись, сказала, что депутат добился-таки своего.

— Может, написать им такую же? Все равно ведь не отличат.

— Поздно. Забирают. Два года это тянулось.

К. Чуковский, как я понял, завещал ее библиотеке, которую он сам же и основал для местной ребятни. А передача оттянулась, и вот теперь депутат предъявил на картинку права. Кажется, так.

— Ничего не понимаю. Как же можно отдавать вещь одного из лучших графиков нашего века неизвестно кому?

Но Е.Ц. нечего было нам ответить. Конашевича забирали.

Ахматова, и оттуда рукой подать до ее любимой скамейки под деревьями.

Сразу за домом начинается густой парк, с огромными соснами, елями, малиновыми зарослями. Там довольно много засохших, повалившихся деревьев, подходящих для строительных целей.

Вместе еще с одним «народным строителем», более других (как и автор этих строк) знакомым с плотницким делом, мы прошли по парку, оценивая сухие деревья (некоторые стояли, наклонясь: кроны соседних деревьев не давали им упасть) на предмет годности их в качестве несущих конструкций. Согласились, что лет на 10-15 каждого с лихвой достанет.

И уже тогда пошли разговоры и слухи о том, что готовятся отобрать дачу К.И. Чуковского. Как-то слабо в это верилось; и не хотелось думать.

Кажется, с конца 1982 года уже начались серьезные «бои» между Литфондом и Чуковскими. Посылалась масса писем во всевозможные инстанции, в министерство культуры РСФСР, в канцелярию Андропова, и, характерно, первые ответы радовали тем, что были положительными. Дольше всех держалось министерство культуры РСФСР, пока и оно не получило «руководящих указаний».

Дошло до нас и высказывание одного из секретарей Союза писателей, твердолобого партийного ортодокса Феликса Кузнецова: «Пора прикрыть это диссидентское гнездо».

То, что дачу К. Чуковского «не обходили вниманием», ясно хотя бы из следующего эпизода. Несколько лет назад, еще до своей ссылки, приехал Л.К. Чуковской А.Д. Сахаров. За несколько десятков или сотен метров, по дороге, что в сторону дачи Катаева (соседней с дачей Чуковского), стояла черная «Волга». Случайный человек проходил мимо и услышал из открытого окошка автомашины диалог из двух знакомых ему голосов; каким образом осуществлялась прямая передача разговора А.Д. Сахарова с Л.К. Чуковской, остается только гадать, но факт место имел.

В 1982 году исполнилось 100 лет со дня рождения Чуковского. Журнал «Огонек» опубликовал материал, посвященный его жизни и творчеству.

го мужика, давнишнее, в электричке: «Не в Америке живем, вилл люминиевых не строим, но, погоди, будем и это делать. Увидишь».

Переделкино все сплошь деревянное.

У Корнея Ивановича дом сложен неизвестно из чего, обложен дражной решеткой, а по ней — заштукатурен. Штукатурка по углам осыпалась, и сквозь решето видны не то бревенчатые доски, не то дощатые бревна.

та. Чуковским ответили: железа нет, выделить не можем. Тогда они сказали: мы, мол, можем достать и сами. Например, попросить употребить гонорар, полученный в Голландии за издание стихов Чуковского, на покупку железа и отправить его железной дорогой в Москву. Надо же, железо — в Россию!

Оно в конце концов нашлось (еще бы не нашлось!). И крышу в конце концов починили в 1980 году — как

Л.К. Чуковская у крыльца дачи в Переделкине.

выражается Л.К. Чуковская, «методом народной стройки» — то есть как бы действительными, веселыми, добровольными субботниками и воскресниками — с помощью тех «гуманитариев-студентов», о которых писал Семен Липкин. (Хотя каждый из них постепенно выходил из студенческого возраста.)

В гостиной на первом этаже стены синие. Каких хлопот стоило подыскать точно такого же цвета новые бумажные листы, чтобы оклеить ими это помещение!

У гостиной три двери, ведущие в пару комнат и на террасу. У окна стол, потом шкаф; в тени от него — овальный портрет жены К.И. Чуковского работы Репина. Акварель 1907 года.

— О, у вас свой Коровин, — сказал я, входя в гостиную. — Небось, шестнадцатого года? (Добавил просто так, потому что это и так было ясно.)

— Да, шестнадцатого.

В этом году К. Коровин много писал женщин с гитарами на фоне лунного окна, освещенных и луною, и свечами, — замечательно красиво. У Чуковских — масляный портрет актрисы Комаровской, писанной Коровиным многожды. Этот портрет хорош, но несколько вял и недокончен.

Рядом, левее, над телефоном, — два рисунка Бориса Григорьева: пейзаж и «Нэпмань» (1919). Название, очевидно, позднее.

Сразу направо от входа — дверь в комнату. Там стоит кровать, разложены различные издания Корнея Ивановича, отечественные и зарубежные, слепок с его руки.

Здесь несколько лет жил А. Солженицын. Когда его преследовали и жить в Москве не позволяли, он жил тут. Рассказывают, что с ним общались преимущественно посредством записок: писатель денно и нощно работал.

В день ареста Солженицына на даче Чуковских был отключен телефон.

Как раз в тот день, когда мы разгребали снег, пришел некий депутат (женщина) с требованием передать в библиотеку картину В. Конашевича «Чудо-юдо, рыба-кит» (картон, гуашь, акварель, если не ошибаюсь). Елена Цезаревна Чуковская сказала:

— Я-то требую, чтобы они взяли под ответственность, а они не хотят.

К.И. Чуковский в своем кабинете.

Даже самый поверхностный осмотр дома К.И. Чуковского показывал, что срочно необходим ремонт; поэтому работы по укреплению здания, в сущности, не прекращались с 1980 года и до 1983, по крайней мере. Обычно они происходили летом, по уикэндам. Кто-то приезжал регулярно, кто всего на день-два, поразмять мускулы.

Летом 1982 года хозяйка привезли цементу, и мы занялись тем, что выкладывали кирпичные подпорки. Дело было довольно хлопотливое, так как расстояние между сырою землей и полом там вряд ли больше аршина, и выкапывать ямки для столбов, а потом тащить раствор и кирпичи приходилось, сгибаясь в три погибели. Прежние опоры совершенно почти разрушились, размокли от воды, скапливавшейся весной под домом, и трудно было понять, как дом еще не осел.

Когда мы рылись под домом, то нашей мечтой было — раскопать архив Артема Веселого, автора книги «Россия, кровью умытая». Дело в том, что первым арендатором дома был этот пролетарский писатель, и когда он почувствовал, что тучи сгущаются, то куда-то упрятал свой архив, так что до сих пор он не найден. Были предположения, что он закопан под дачей. После того как Артема Веселого арестовали и расстреляли, дом сдали К.И. Чуковскому в аренду.

Мы реконструировали также входное крылечко, которое уже совсем разваливалось.

И немало пришлось поработать над открытой верандой, или террасой, пол которой тоже изрядно прогнил, а самое главное, балки, которые ее держали, уже ни на что не годились. Там часто отдыхала Анна

кроет землю и мрак — народы... И лицо поколения будет собачье...». Но тем важнее миссия русской эмиграции.

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все эти недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным билием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было в-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе, и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культурой и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, во веки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира, который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как ни безумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая «планетарным» злодеем, возводящим разнузданную власть черни и все самые низкие свойства ее истинно в религию, Россия уже сошла с ума, — сам министр-президент на московском совещании в августе 17 года заявил, что уже зарегистрировано, — только зарегистрировано! — д е с я т ь т ы с я ч зверских и бессмысленных народных «самосудов». А что было затем? Было величайшее в мире поспание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшегося с убийства Духонина и «похабного мира» в Бресте и докатившееся до людоедства.

Окончание следует.

Печатается по тексту в сборнике: «Под серпом и молотом». Канада, Лондон, «Заря», 1982.

нат «Огонек» опубликовал материалы, посвященные его творчеству, в том числе фотографии переделкинской дачи.

В начале следующего года Чуковские добились, чтобы им разрешили прикрепить ко входу в дом мемориальную доску, на которой было написано: «Памятник культуры. Охраняется государством».

1-го апреля 1983-го года была отмечена 101-я годовщина со дня рождения К.И. Чуковского. Собрались друзья и знакомые Чуковских. Та гостиная и та комната, что я описал выше, насилу вместили всех, кто пришел. Были использованы все стулья, скамейки и табуретки, которые удалось разыскать по всему дому, а также в сарае, и, возможно, принесли даже с соседних дач. Сто, полтора или двести человек присутствовало — сказать трудно. И, увы, скольких еще можно было бы пригласить, если бы было больше места.

Лидия Корнеевна поблагодарила всех пришедших и сказала:

— Мы вот добились того, что дом был поставлен на охрану. Но, как мы знаем из истории, события не всегда разворачиваются в сторону более разумную и не всегда добро выходит победителем над злом.

(Среди тех, кто был, я никого почти не знал, только что показали нам Арсения Тарковского да Семена Липкина. Про тех же, кто приходил строить, вообще как-то не принято было интересоваться. Для чего.)

...Суды много раз назначались и много раз откладывались. В отличие от дома Пастернака, дому Чуковского более повезло в суде первой инстанции. Суд положил: дом — оставить за арендаторами. Да и как можно было отобрать, когда он в е с ь стал музеем (кроме кухни и ванной разве что), когда за год набиралось посетителей, наверно, тысяч около десяти — всякий ли государственный «мемориальный» музей может похвастаться такой цифрой? Мне известно, что в Москве есть музеи, которые и за впасть больше срок так не посещаются.

Конечно, Литфонд оттягал свое. И с точки зрения формального права тут вроде даже и не возражишь. Дело разрешилось по закону и по суду — почитай, как в правовом государстве. Но все вопиет против такого управления — известно, что такое «руководящая роль партии в советском судопроизводстве». Интересно, кому теперь отойдет дом и кто будет пить чай на новозведенной террасе?